

DOI 10.22394/1818-4049-2020-92-3-20-31
УДК 339.9(075.4)

Д. А. Изотов

Интеграционные процессы в АТР: особенности и потенциал расширения

В статье на основе анализа теоретических и эмпирических исследований, а также данных международной статистики определены особенности интеграционных процессов в АТР, а также соотнесены экономические потенциалы крупных торговых форматов в субглобальной экономике. Показано, что заметные результаты расширения торгово-экономических связей между ключевыми странами АТР стали возможны в рамках процесса фрагментации производства и нивелирования барьеров торговых взаимодействий. Оценка показала, что тарифная нагрузка на торговлю между странами АТР была ниже по сравнению с остальными странами. Выявлено, что в АТР имеется скрытый потенциал для увеличения барьеров, а массовое заключение торговых соглашений между странами АТР способствовало их расширению во избежание негативных последствий от неучастия в таких соглашениях. Показаны сравнительные потенциалы различных мегаформатов в АТР с точки зрения экономических, демографических и торговых масштабов. Показано, что наличие противоречий между потенциальными участниками способствовало тому, что в АТР создан только один торговый мегаформат. Определено, что отсутствие обоюдных инициатив по созданию зоны свободной торговли между США и Китаем существенно сдерживает интеграционные процессы в АТР. Показано, что в долгосрочной перспективе российская сторона может столкнуться с конкурентным выбором в интеграции со странами АТР, заключающимся в присоединении либо к «проамериканскому», либо к «прокитайскому» торгово-экономическим блокам.

Ключевые слова: торговля, интеграция, таможенная пошлина, торговое соглашение, зона свободной торговли, торговый мегаформат, АТР.

Введение. За последние три десятилетия заметное расширение и интенсификация торгово-экономических взаимодействий между национальными экономиками происходило в условиях процессов интеграции в мировой экономике, что отразилось в снижении различных барьеров, сдерживающих торговые потоки между странами. В АТР данные процессы происходили довольно масштабно и отчетливо, создавая предпосылки для роста глобальной экономики, снижая издержки торгово-экономических взаимодействий в мире.

К середине 90-х гг. XX века большинство стран АТР присоединилось к ВТО [Изотов, 2016а]. Наряду со снижением импортных пошлин в рамках механизмов ВТО (ГАТТ) наблюдалось активное стремление стран субглобальной эконо-

мики к заключению двух- и многосторонних торговых соглашений в АТР. Тарифные барьеры постепенно ослаблялись как развитыми странами АТР, так и развивающимися, расположенными преимущественно в Восточной Азии [Baldwin, 2006]. В итоге, на страны АТР к 2018 г. приходилось более половины мировой экономики и торговли, а также потока прямых инвестиций в мире. В 2010-е гг. обсуждается создание крупных торговых блоков в АТР, заключение соглашений по которым способно изменить структуру торгово-экономических взаимодействий как в субглобальной, так и в глобальной экономиках.

С этой точки зрения, сближение России с крупнейшим рынком мира вследствие присоединения к интеграционным процессам в АТР, может вызвать долго-

---

Дмитрий Александрович Изотов – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: izotov@ecrin.ru

срочные положительные эффекты для национальной экономики. По причине недостаточного использования потенциала взаимодействия со странами субглобального региона идея географической диверсификации торгово-экономических связей России за счет сближения со странами АТР широко обсуждается как в политических, так и в академических кругах [Изотов, 2016 б].

С другой стороны, необходимо осознавать, что интеграционный процесс между странами субглобальной экономики имеет свои особенности, учет которых необходим для оценки выигрышей и потерь для экономики страны, расширяющей торгово-экономические взаимосвязи со странами АТР. С этой точки зрения является важным определение особенностей интеграционных процессов в АТР, а также соотношение потенциалов крупных торговых форматов в АТР.

1 Интеграционные процессы в субглобальной экономике

Любая национальная экономика помимо общей либерализации торговли с глобальной экономикой в рамках использования механизмов ВТО способна расширить торгово-экономические взаимодействия с различными странами/группами стран в рамках процесса регионализации. В зависимости от характера действий заинтересованных сторон выделяется несколько уровней торгово-экономической интеграции между странами/группой стран (табл. 1).

Первоначальными уровнями двусторонней/многосторонней торгово-экономической интеграции являются частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС), зоны свободной торговли (ЗСТ) и таможенные союзы (ТС). По сравнению с ЧТС, ЗСТ и ТС более тесным форматом интеграции является создание общего рынка, предполагающего, помимо либерализации торговли, свободный поток капитала и рабочей силы. Создание экономического и полного экономического (политического) союзов являются самыми высокими уровнями интеграции, предполагающими, помимо создания единого рынка товаров, услуг, капитала и труда, совместную экономическую политику, принятие общих экономико-политических норм и появление надгосударственных органов.

К более зрелым форматам интеграции может быть отнесен только Европейский союз. Другие страны и объединения стран находятся на первоначальных уровнях торгово-экономической интеграции по причине отсутствия консенсуса для расширения взаимодействий. Тем не менее даже на первоначальных уровнях интеграции в АТР наблюдалось значительное расширение количества заключенных соглашений, что проявилось в эффекте «домино» [Baldwin, 1993]. Данные соглашения в АТР стали приобретать гибридные формы, включая либерализацию торговли услугами.

Основной движущей силой интеграции

Таблица 1

Основные уровни торгово-экономической интеграции

Действия сторон	Уровни					
	ЧТС	ЗСТ	ТС	Общий рынок	Экономический союз	Полный экономический союз
Отмена таможенных тарифов и квот	+/-	+	+	+	+	+
Общий таможенный тариф к третьим странам	-	-	+	+	+	+
Свободное движение факторов производства	-	-	-	+	+	+
Гармонизация экономической политики	-	-	-	-	+	+
Унификация экономической политики	-	-	-	-	-	+

Источник: материалы ВТО.

в субглобальной экономике выступили ТНК, производственный процесс которых основан на внутрифирменной торговле, существующей вне рамок национальных границ [Ando, 2006]. В итоге в АТР стал все более отчетливо проявляться процесс фрагментации производства, предполагающей распределение производственного цикла между странами субглобальной экономики [Fujita, 2005]. Снижение торговых издержек и внутрифирменных коммуникационных расходов способствовало концентрации производства ряда товаров в экономиках с низкой оплатой труда [Fujita, 2004]. Переход к современным технологиям произошел в условиях снижения удельных транспортных издержек, что способствовало интеграции рынков ряда стран АТР.

В 1990-е гг. доля торговли внутри АТР была чуть менее 75%, что указывало на заметную интенсивность торговых взаимодействий в субглобальном регионе. Рост торговли в АТР фиксировался за счет увеличения масштаба производства на предприятиях с зарубежным капиталом в условиях снижения тарифной нагрузки на экспорт и импорт. Данные процессы способствовали снижению удельных издержек как производственных, так и логистических. Помимо увеличения торговли в АТР страны субглобальной экономики расширили торгово-экономические связи с остальными странами мира, глав-

ным образом со странами Европейского союза. Помимо всего прочего нарастала «косвенная» торговля Японии с США за счет переноса производственных мощностей японских фирм в страны Восточной Азии в условиях укрепления курса японской валюты. Вовлечение китайской экономики в производственные процессы в АТР способствовало заметной интенсификации торгово-экономических отношений в субглобальной экономике [Изотов, 2016а] (рис. 1).

Далее, в 2000-е гг. доля внутренней торговли в субглобальном регионе снижалась по причине активизации экспорта предприятиями с прямыми иностранными инвестициями, расположенными в КНР и странах АСЕАН, во все страны мира. В этот период времени увеличение в ряде стран АТР доходов населения, рост расходов на инфраструктуру сгенерировали позитивные ожидания на сырьевых рынках, главным образом, на рынке топливно-энергетических товаров. В итоге увеличился импорт в АТР сырьевых товаров из стран Персидского залива, что способствовало снижению доли внутренней торговли в АТР [Изотов, 2016а].

В 2010-е гг. доля внутренней торговли в АТР имела тенденцию к увеличению. Во-первых, разработка и запуск ряда крупнейших в АТР сырьевых проектов способствовали замещению в торговле соответствующими товарами, ввозимыми из

Рис. 1. Внутренняя и внешняя торговля стран АТР

остальных стран мира, сырьевыми товарами субглобального региона. Во-вторых, значительное увеличение доходов в развивающихся странах Восточной Азии, а также некоторых развитых странах АТР способствовало увеличению интенсивности торговли между географически близкими странами субглобального региона [Thorbecke, 2015]. К концу 2010-х гг. доля внутренней торговли в АТР приблизилась к значениям 1990-х гг., при этом по абсолютным значениям произошло увеличение торговли почти на порядок.

Доля стран АТР в глобальном потоке прямых инвестиций составила более половины стоимостного объема. Можно сказать, что обмен капиталовложениями в АТР является одной из основ расширения внутрирегиональной торговли [Изотов, 2016а]. Прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ) в АТР осуществляются ТНК, которые в конечном итоге включают деятельность всех связанных с этим процессом фирм (производство и услуги) в сферу гораздо большую, чем национальная экономика.

Географическая структура прямых инвестиций ТНК в страны АТР со временем изменилась. Вывоз прямых инвестиций восходит к японским ТНК, которые стали перемещать производство в другие азиатские экономики после значительного укрепления йены в 1985 г. Основными направлениями для японских ПИИ первоначально были Республика Корея и Тайвань, когда-то входившие в состав Японской империи. По мере роста издержек на рабочую силу в этих экономиках японские ПИИ стали концентрироваться в странах Юго-Восточной Азии. Образовавшиеся ТНК из Республики Корея и Тайваня также стали инвестировать в азиатские экономики, характеризующиеся дешевой рабочей силой. После азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Китай становится главным реципиентом ПИИ в АТР. Одной из особенностей динамики ПИИ в Восточной Азии стала взаимодополняемость капиталовложений с торговыми взаимодействиями, что в итоге отразилось в создании и расширении масштабов субрегиональных производственных сетей, отражающихся в интенсификации вертикальной торговли в рамках производственного процесса ТНК [Kimura, 2005].

Усложняющиеся потоки капитала в

Восточной Азии, стали приобретать форму «сетевых ПИИ» [Baldwin, 2012], в рамках которых горизонтальные и вертикальные инвестиции проявлялись в разной степени в одно и то же время. Стратегия фрагментации, принятая, в частности, японскими ТНК, заключалась в распределении производственных мощностей по странам в зависимости от наделенности факторами производства и сравнительными преимуществами той или иной территории. Основой такого рода фрагментации выступили производственные отношения в секторе электроники, в рамках которого детали и компоненты перемещались между границами государств для последующей обработки и сборки в готовые изделия. ПИИ, способствующие росту внешней торговли, формировали положительный платежный баланс для многих азиатских стран, особенно в последние четыре десятилетия. Соответственно, значение и отечественных, и иностранных ТНК возросло довольно быстро, поскольку они являлись важными субъектами экономических отношений во всех странах, но в особенности в крупных азиатских экономиках.

Другим фактором, способствующим интенсификации торговли в АТР, являлось снижение тарифной нагрузки на экспортные и импортные потоки. Тарифная нагрузка на импорт в АТР значительно снизилась, как по причине того, что подавляющее большинство стран субглобального региона вступило в ВТО, так и за счет экспоненциального увеличения заключенных торговых соглашений. С 1990-х гг. в субглобальной экономике наблюдалось расширение заключаемых торговых соглашений преимущественно в расширенном формате ЗСТ. В итоге, в субглобальном регионе к 2018 г. функционировало 114 торговых соглашений: 9 ЧТС, 103 ЗСТ и 2 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 95 и 0 соответственно (рис. 2). По сравнению с торговлей со странами остального мира тарифная нагрузка на импорт между странами АТР была меньше.

При этом важным является анализ ставок импортных пошлин с точки зрения распространения режима наибольшего благоприятствования (РНБ) и связанности тарифной нагрузки. Согласно режиму РНБ заявленные импортные пошлины являются самыми высокими (наиболее ограничивающими), которые страны-члены

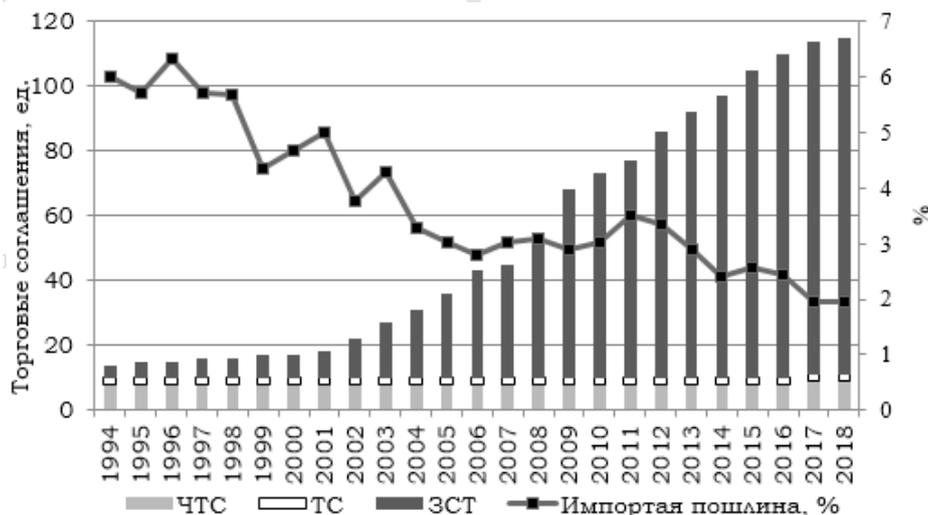

Рис. 2. Количество торговых соглашений и средневзвешенная импортная пошлина в АТР

Примечание: показаны значения эффективной применяемой средневзвешенной импортной пошлины; количество торговых соглашений приведено накопленным итогом (данные ВТО и Всемирного банка)

ВТО взимают друг с друга, если страны не являются участниками торговых соглашений. Говоря иначе, это максимальный уровень тарифной нагрузки страны-члена ВТО, который она может применить к импорту из других стран-членов ВТО. Связанность тарифной нагрузки представляет собой обязательства стран-членов ВТО. Для определенной товарной группы максимальный тариф в рамках РНБ является связанным. Применяемая ставка импортной пошлины, как правило, меньше или равна связанному тарифу для любого торгуемого товара. «Навес связывания» представляет собой разницу между значениями связанного тарифа и взимаемой импортной пошлины [Beshkar, 2015]. Чем больше разница между значениями связанного тарифа и взимаемой импортной пошлины, тем менее предсказуема торговая политика страны. Значения «нависа связывания» обычно невелики для развитых стран в отличие от развивающихся экономик.

Расчеты показали, что в рамках РНБ «верхний уровень» ставок импортных пошлин для торговли стран АТР между собой был немного выше, чем со странами остального мира. При этом, применяемые ставки импортных пошлин были ниже, чем в рамках РНБ, что объясняется исполнением различных торговых соглашений в АТР (рис. 3).

Значения навеса связывания таможен-

ных пошлин для торговли между странами АТР были выше, чем для торговли стран АТР со странами остального мира. Данное обстоятельство указывает на имеющийся в АТР скрытый потенциал для увеличения внутренних торговых барьеров, поэтому результаты торговой политики в АТР потенциально могут быть непредсказуемыми. Возможно, это является косвенным подтверждением наличия основ для запуска процесса фрагментации в субглобальном регионе.

Наряду с процессом фрагментации в 1990-х и 2000-х гг. наблюдалась генерация интеграционных групп в АТР как между соседними странами [Whalley, 1996], так и между странами, относящимися к определенной группе экономик [Baldwin, 2006]: АСЕАН, НАФТА, Транстихоокеанское стратегическое экономическое партнерство. Происходит расширение торговых соглашений стран Юго-Восточной Азии с Республикой Корея, Японией и КНР (АСЕАН+3), а также с Австралией, Новой Зеландией Индией (АСЕАН+6). Также создается ЗСТ в расширенном формате между НАФТА и латиноамериканскими странами. Проводятся совместные консультации по созданию ЗСТ в расширенном формате между ключевыми странами Северо-Восточной Азии – Республикой Корея, Японией и КНР.

К 2018 г. на субглобальный регион приходилось более двух третей от общего ко-

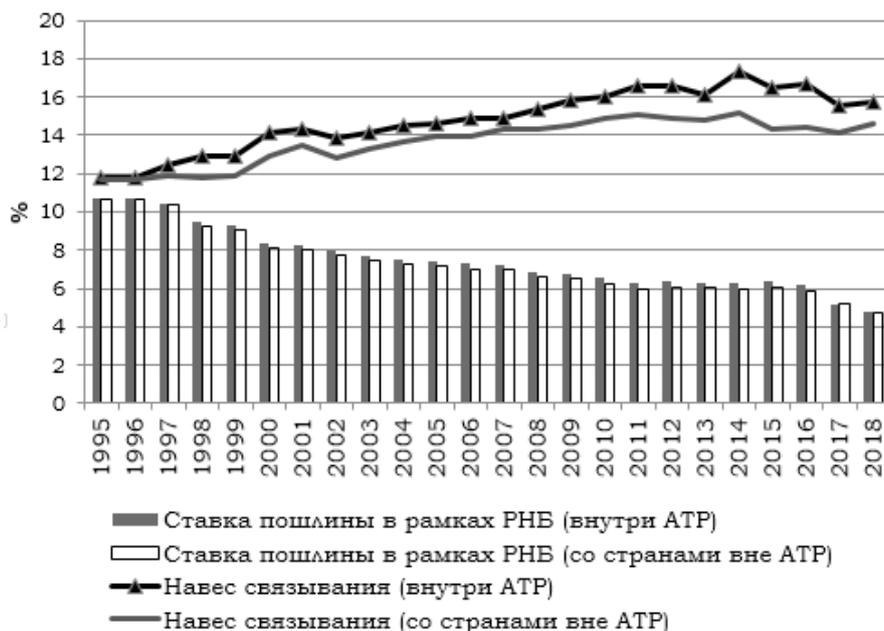

Рис. 3. Средневзвешенные ставки импортных пошлин в рамках РНБ и «навес связывания» для торговли стран АТР между собой и с остальными странами

Примечание: «навес связывания» рассчитан как разница между ставкой связанного тарифа и применяемой ставкой импортной пошлины (рассчитано по данным ВТО и Всемирного банка)

личества ЗСТ в расширенном формате в мире. Ряд исследователей [Наукава, 2019] указывает на то, что большое число подобного рода торговых соглашений в субглобальном регионе способствует проявлению эффекта «чашки спагетти», ввиду несогласованности правил торговли.

2 Торговые мегаформаты в АТР

В конце 2000-х – первой половине 2010-х гг. администрация американского президента Б. Обамы активно продвигала проект создания торгового мегаформата в АТР на основе подписанного в 2008 г. Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства. Главной отличительной чертой «нового» мегаформата являлась его «гибридность», т. е. помимо значительного снижения всевозможных барьеров при обменах товарами и инвестициями, ключевыми критериями для стран-потенциальных членов данного блока являлась необходимость приведения в соответствие со стандартами развитых стран институциональной среды функционирования национальной экономики. Также появилась необходимость агрегации и унификации уже заключенных двусторонних соглашений в АТР [Petri, 2008] и выработки согласованной политики для смягчения протекания глобальных кризи-

сов. Далее американская сторона выходит из уже заключенного торгового формата – Транстихоокеанского партнерства (ТТП), при этом в 2018 г. было заключено Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП) между остальными странами АТР. В итоге в субглобальном регионе существует только один торговый мегаформат – ВПТТП. По причине изменчивой позиции США возможно также «повторное» присоединение американской экономики к ВПТТП [Изотов, 2016а].

Соответственно ВПТТП является производной формой заключенного в 2016 г. ТТП, в которое вошли следующие страны: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония [Изотов, 2016а]. Безусловным лидером в ТТП являлись США, которые осуществляли попытку создания самостоятельного субрегионального торгового блока, исключая Китай [Fergusson, 2016]. Тем не менее, в начале 2017 г. новый президент США Д. Трамп подписал указ о выходе страны из ТТП, которое он расценил как одну из главных угроз национальной экономике.

Вполне возможно, что главной причиной выхода США из ТТП является усиление

конкуренции между различными заинтересованными группами в американской экономике и политике. Как правило, правительство США осознает, что свободная торговля является оптимальной политикой в долгосрочной перспективе, но в краткосрочном периоде руководствуется требованиями заинтересованных групп [Rodrik, 2018]. Возможно, что США не заинтересованы в дальнейшем обострении отношений с КНР и готовят какие-либо совместные инициативы с китайской стороной. Таким образом, приостановка вхождения в ТТП американской экономики изменила саму логику нарастающей экономической конфронтации в АТР, связанную с частичной изоляцией Китая. Остальные одиннадцать стран пока не изъявили желания выйти из ТТП, что означает дальнейшее развитие торгово-экономических взаимодействий между ними, но уже при косвенном участии США. В итоге, оставшиеся страны подписали создание ВПТТП на основе ТТП, которое вступило в силу в конце 2018 г. На начало 2019 г. из одиннадцати стран ТТП соглашение ВПТТП ратифицировали только семь стран: Австралия, Вьетнам, Канада, Мексика, Новая Зеландия, Сингапур и Япония.

С выходом США из ТТП доли нового формата – ВПТТП – существенно сократились: почти в три раза в глобальной и суб-

глобальной экономиках, почти в два раза – в торговле и населении (по сравнению с ТТП) (табл. 2).

Тем не менее, не следует недооценивать формат ВПТТП, поскольку в его состав входят в основном развитые экономики. Вполне возможно, что соглашение о ВПТТП может способствовать организации сложных производственных сетей на субрегиональном уровне и упорядочить отдельные торговые сделки между участниками партнерства. Безусловным лидером объединения выступает третья в мире экономика – Япония. В связи с заключением Японией соглашения о создании ЗСТ/ЗСТ+ с Европейским Союзом в 2019 г. вполне возможно дальнейшее распространение данного формата на ВПТТП в целом. Также нельзя исключать, что в перспективе после осуществления крупной сделки с китайской стороной США могут «вновь» присоединиться к ВПТТП.

Условными альтернативами «проамериканскому» торговому блоку в АТР являются следующие соглашения: Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), создание ЗСТ в рамках форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Данные форматы только обсуждаются между странами-потенциальными членами.

Таблица 2

Доли перспективных и существующих мегаформатов в мире и в АТР, %

Показатель	Мегаформат	1995	2000	2005	2010	2015	2018
ВВП	ВПТТП	23,2/40,9	21,1/34,8	17,2/30,6	16,3/28,9	13,1/21,6	13,0/21,2
	ВПТТП+США	47,8/84,3	51,4/84,6	44,6/79,3	39,0/69,2	37,4/61,9	37,2/60,7
	ВРЭП	26,7/45,0	24,4/37,8	22,4/36,6	27,2/43,8	30,8/46,3	32,2/47,3
	АТЭС	56,1/98,9	60,2/99,0	55,6/98,8	55,4/98,4	59,5/98,3	60,3/98,3
Население	ВПТТП	7,1/15,4	7,0/15,5	6,9/15,6	6,8/15,7	6,7/15,8	6,6/15,9
	ВПТТП+США	11,8/25,6	11,6/25,8	11,4/26,0	11,3/26,2	11,1/26,3	10,9/26,3
	ВРЭП	50,2/72,8	50,0/72,8	49,5/72,7	48,9/72,5	48,2/72,4	47,7/72,3
	АТЭС	43,0/93,7	42,1/93,5	41,0/93,3	40,0/93,1	39,1/93,0	38,6/92,9
Торговля	ВПТТП	20,1/46,5	19,3/44,6	16,6/41,0	15,9/38,7	15,6/35,3	14,6/32,9
	ВПТТП+США	34,4/75,2	34,8/75,2	29,2/67,4	26,4/60,6	27,1/58,0	25,5/54,3
	ВРЭП	23,1/49,2	21,8/44,9	23,7/51,4	28,1/57,7	30,2/57,0	29,9/55,7
	АТЭС	45,0/98,9	46,7/99,0	44,3/98,6	45,5/98,1	48,6/97,8	48,9/98,6

Примечания. В ячейках по каждому торговому мегаформату по основным показателям указана: доля в мире / доля в АТР. Доли соответствующих показателей мегаформата ВРЭП в АТР указаны без учета Индии, поскольку данная страна территориально не относится к АТР.

Источник: рассчитано по данным МВФ, ООН и Всемирного банка.

ВРЭП основывается на вполне жизнеспособной АСЕАН+6, с целью доведения ее до расширенного формата ЗСТ. С 2012 г. ВРЭП находится в статусе согласования интересов потенциальных участников: стран АСЕАН, Австралии, Индии, Новой Зеландии, КНР, Республики Корея и Японии [Изотов, 2016а]. Следует отметить, что требования к присоединению к ВРЭП являются менее жесткими в отличие от ВПТТП, не предусматривая институциональных и структурных преобразований в национальных экономиках. При этом в данном потенциальном мегаформате отсутствует явный лидер, а также имеются политические разногласия между некоторыми странами-потенциальными членами. При этом по размеру экономики ВРЭП практически равен ВПТТП+США, значительно превосходя ВПТТП. По причине того, что во ВРЭП входят крупнейшие по населению быстрорастущие экономики мира (Китай и Индия), вероятно, в случае заключения такого торгового соглашения при условии сокращения нетарифных ограничений и политической воли по сближению экономик масштабы торгово-экономических взаимодействий между участниками в перспективе могут быть выше, чем в случае ВПТТП+США.

Еще одним обсуждаемым мегаформатом в АТР является АТЭС, который позиционируется как международный консультативный орган в субглобальной экономике. Вероятно, данный орган, по-

мимо ВТО, является механизмом сближения и разрешения различных споров между Китаем и США. В случае заключения ЗСТ между странами АТЭС, в число которых входит Россия, будет создан крупнейший торгово-экономический блок в мире [Bergsten, 2011] при условии нивелирования различного рода ограничений на рынках товаров и капитала.

Соотношение тарифной нагрузки на импорт показало, что для всех перечисленных торговых форматов наблюдалось ее снижение (рис. 4).

При этом для ВПТТП и ВПТТП+США тарифная нагрузка почти в два раза была меньше, чем для ВРЭП. Для стран ВПТТП и ВПТТП+США наращивание торговли только за счет снижения тарифных мер, похоже, себя исчерпало. Поэтому условно «проамериканский» торговый блок способствует снижению нетарифных барьеров, а также стимулирует институциональные и структурные преобразования в странах ВПТТП. Долгосрочно данная мера может способствовать увеличению торговли между странами ВПТТП, которая не столь масштабна, как с китайской и американской экономиками. При этом крайне важным является то обстоятельство, чтобы эффект создания торговли между странами ВПТТП превосходил эффект отклонения торговли.

Анализ показал, что главным генератором высокой тарифной нагрузки на импорт среди стран ВРЭП были Китай

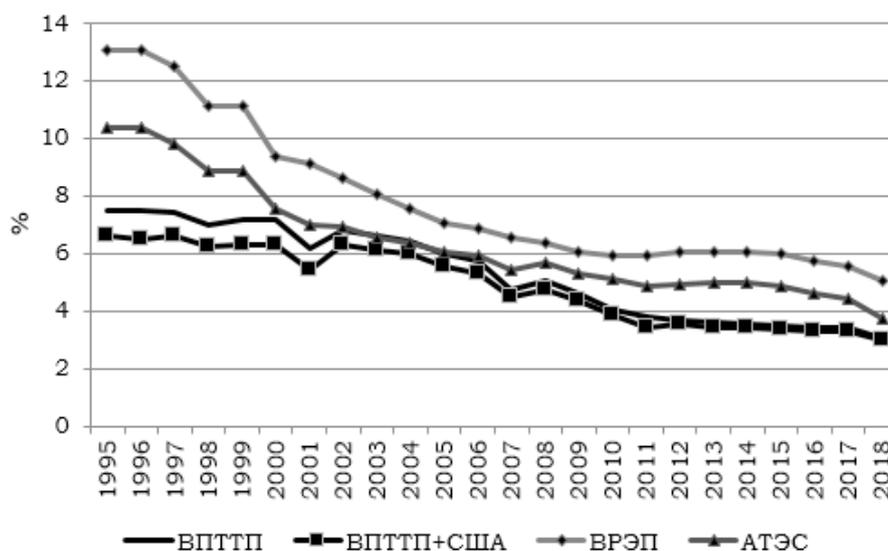

Рис. 4. Средневзвешенная импортная пошлина в рамках мегаформатов АТР (рассчитано по данным ВТО и Всемирного банка)

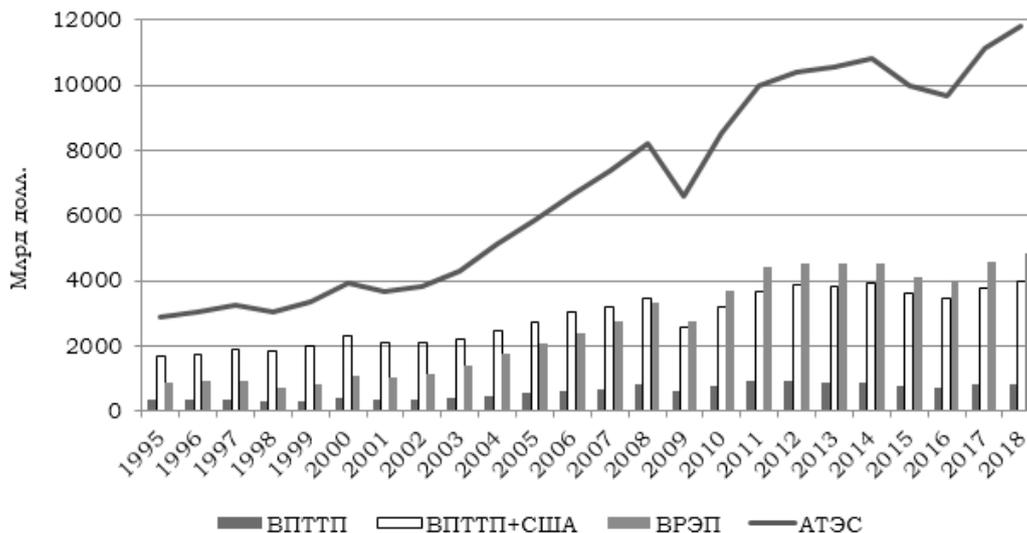

Рис. 5. Товарооборот внутри мегаформатов АТР
(данные ВТО и Всемирного банка)

и Индия, практикующие защиту внутреннего рынка именно тарифными мерами. Поэтому эти страны еще не скоро перейдут на уровень ВПТТП. Тем не менее с конца 2000-х гг. масштаб торговли между странами-потенциальными членами ВРЭП превышает товарооборот между ВПТТП+США (рис. 5).

За последние годы торговля внутри торговых мегаформатов АТР имеет тенденцию к росту только для АТЭС. Более подробный анализ показал, что данное обстоятельство объясняется торговлей между американской и китайской экономиками. При этом нельзя не согласиться с тем, что по причине наличия в АТР двух дополняющих друг друга крупнейших экономик мира нивелирование различного рода барьеров между ними существенно увеличит их выигрыш от подобного рода взаимодействий [Li, 2014].

Заключение. Несмотря на сложность интеграционных процессов в мире их протекание за последние три десятилетия способствовало в целом снижению барьеров во взаимодействиях между странами, свидетельствуя о гибкости многосторонней торговой системы и ее дальнейшем развитии. Заметные результаты расширения торгово-экономических связей между ключевыми странами АТР стали возможны в рамках процесса фрагментации производства за счет увеличения отдачи от масштаба в условиях снижения издержек и нивелирования целого ряда

барьеров. При том, что в АТР имеется скрытый потенциал для увеличения барьеров, а массовое заключение торговых соглашений между странами АТР способствовало их расширению во избежание негативных последствий от неучастия в таких соглашениях. Поэтому между странами АТР было заключено большинство зон свободной торговли (в расширенном формате) в мире, а их пролиферация способствовала обсуждению заключения торговых мегаформатов в субглобальной экономике.

Поэтому, как предполагается, страны субглобального региона, не расширяющие торговые соглашения с другими странами АТР, могут быть подвержены дискриминации в данном пространстве. Российская сторона, возможно, может столкнуться с издержками, связанными с отсутствием развития и углубления торговых соглашений со странами АТР, поскольку вступило в силу только ЗСТ с Вьетнамом, а ЗСТ с Сингапуром пока не вступило в силу.

С другой стороны, необходимо отметить, что в АТР входят очень разные экономические системы, а заключенные между ними торговые соглашения недостаточно комплексные. Поэтому предпосылками для формирования торговых мегаформатов в АТР являлось общее понимание необходимости придания динамизма интеграционным процессам в субглобальной экономике за счет гармо-

низации подписанных соглашений и выработке общей политики по дальнейшему углублению торгово-экономических взаимосвязей и оперативному разрешению различного рода противоречий. Однако наличие противоречий между потенциальными участниками крупных торгово-экономических объединений способствовало тому, что на сегодня в АТР создан лишь один торговый мегаформат – ВПТТП. Тем не менее, наблюдалось торгово-экономическое сближение крупнейших экономик АТР. Вероятно, при заключении торгового соглашения в рамках ВРЭП, масштаб торговли между странами-участницами в перспективе может быть выше, чем в случае расширения ВПТТП за счет американской экономики. Отсутствие каких-либо шагов по созданию ЗСТ между США и Китаем существенно сдерживает интеграционные процессы в АТР. Поэтому российская сторона в долгосрочной перспективе может столкнуться с конкурентным выбором в интеграции со странами АТР, заключающимся в присоединении либо к «проамериканскому», либо к «прокитайскому» торгово-экономическим блокам.

Список литературы:

1. Изотов Д. А. Торговая интеграция в АТР: структурные особенности и динамические проявления // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. №3. С.86–100. DOI: 10.5281/zenodo.163479
2. Изотов Д. А. Эффекты присоединения России к мегаформатам АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2016. №4. С.83–95. DOI: 10.5281/zenodo.220685
3. Ando M. Fragmentation and vertical intra-industry trade in East Asia // North American Journal of Economics and Finance. 2006. Vol. 17. Pp. 257–281.
4. Baldwin R. A Domino Theory of Regionalism. NBER Working Paper 4465. September 1993, <https://www.nber.org/papers/w4465> (дата обращения 01 октября 2020).
5. Baldwin R. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade. NBER Working Paper 12545. September 2006, <https://www.nber.org/papers/w12545> (дата обращения 01 октября 2020).
6. Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates. NBER Working Paper No. 18083, 2012, <https://www.nber.org/papers/w18083> (дата обращения 01 октября 2020).
7. Bergsten C. F., Noland M., Schott J.J. The Free Trade Area of the Asia-Pacific: A Constructive Approach to Multilateralizing Asian Regionalism. ADBI Working Paper 336. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2011, <https://www.adb.org/publications/free-trade-area-asia-pacific-constructive-approach-multilateralizing-asian-regionalism> (дата обращения 01 октября 2020).
8. Beshkar M., Bond E. W., Rho Y. Tariff binding and overhang: Theory and evidence // Journal of International Economics. 2015. Vol. 97. Issue 1. Pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.jinteco.2015.04.004.
9. Fergusson I. F., McMinimy M. A., Williams B. R. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief. Congressional Research Service. February 9, 2016, <https://fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf>. (дата обращения 01 октября 2020).
10. Fujita M., Gokan T. On the Evolution of the Spatial Economy with Multi-unit Multi-plant Firms: The Impact of IT Development. Institute of Developing Economies. Discussion Paper No.16. November 2004, <https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/016.html> (дата обращения 01 октября 2020).
11. Fujita M., Mori T. Frontiers of the New Economic Geography // Papers in Regional Science. 2005. Vol. 84. Issue 3. Pp. 377–405.
12. Hayakawa K., Jinji N., Matsuura T., Yoshimi T. Costs of Utilizing Regional Trade Agreements. RIETI Discussion Paper Series 19-E-054. July 2019, <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e054.pdf> (дата обращения 01 октября 2020).
13. Kimura F., Ando M. Two-dimensional fragmentation in East Asia: Conceptual framework and empirics // International Review of Economics and Finance. 2005. Vol. 14. Issue 3. Pp. 317–348.
14. Li C., Wang J., Whalley J. Numerical

General Equilibrium Analysis of China's Impacts from Possible Mega Trade Deals. NBER Working Paper 20425. August 2014, <https://www.nber.org/papers/w20425> (дата обращения 01 октября 2020).

15. Petri P.A. Multitrack Integration in East Asian Trade: Noodle Bowl or Matrix? // Asia Pacific Issues. October 2008. No. 86. Honolulu: East-West Center, <https://www.eastwestcenter.org/publications/multitrack-integration-east-asian-trade-noodle-bowl-or-matrix> (дата обращения 01 октября 2020).

16. Rodrik D. What Do Trade Agreements

Really Do? // Journal of Economic Perspectives. 2018. Vol. 32. Issue 2. Pp. 73–90. DOI: 10.1257/jep.32.2.73

17. Thorbecke W. Enjoying the Fruits of their Labor: Redirecting exports to Asian consumers. RIETI. Discussion Paper Series 15-E-016. February 2015, <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e016.pdf> (дата обращения 01 октября 2020).

18. Whalley J. Why Do Countries Seek Regional Trade Agreements? NBER Working Paper 5552. April 1996, <http://www.nber.org/papers/w5552.pdf> (дата обращения 01 октября 2020).

Библиографическое описание статьи

Изотов Д. А. Интеграционные процессы в АТР: особенности и потенциал расширения // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 20–31. DOI 10.22394/1818-4049-2020-92-3-20-31

Dmitriy A. Izotov – Candidate of Economics, leading research fellow, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). E-mail: izotov@ecrin.ru

Integration processes in the Asia-Pacific region: features and potential of expansion

In the article, based on the analysis of theoretical and empirical studies, the features of integration processes in the Asia-Pacific region are determined, and the economic potentials of the large trade blocks in the sub-global economy are compared. The author shows that the noticeable results of the trade and economic ties expansion between the key countries of the Asia-Pacific region became possible by the production fragmentation and the trade barriers reduction. The assessment indicated that the weighed import duty in the trade interactions between the Asia-Pacific countries was characterized by the lower values compared to the other countries. The Asia-Pacific countries have a hidden potential for trade barriers increasing. It is shown that the main reason of the trade agreements expansion between the Asia-Pacific countries is to avoid the negative consequences of non-participation in such agreements. In the terms of economic, demographic and trade scales, the comparative potentials of various mega-formats in the Asia-Pacific region are shown. The author shows that only one trade mega-format was created in the sub-global economy, because the contradictions between the Asia-Pacific countries. The lack of mutual initiatives for a free trade zone creation between the United States and China significantly slows down the integration processes in the Asia-Pacific region. It is shown that in the long term, Russia may face a competitive choice in integration with the Asia-Pacific countries, which can join either the “pro-American” or “pro-Chinese” large trade blocs.

Keywords: trade, integration, customs duty, trade agreement, free trade zone, trade mega-format, the Asia-Pacific region.

References:

1. Izotov D. A. Trade integration in the APR: structural features and dynamic manifestations *Izvestiya DVFU. Ekonomika i upravleniye* [Izvestiya FEFU. Economics and Management], 2016, no. 3, pp.

86–100. DOI: 10.5281 / zenodo.163479 (In Russian).

2. Izotov D. A. Effects of Russia's accession to the mega-formats of the Asia-Pacific region *zvestiya DVFU. Ekonomika i upravleniye* [Izvestiya FEFU. Economics and Management], 2016, no. 4, pp. 83–95. DOI:

10.5281/zenodo.220685(In Russian).

3. Ando M. Fragmentation and vertical intra-industry trade in East Asia *Severoamerikanskiy zhurnal ekonomiki i finansov* [North American Journal of Economics and Finance], 2006, vol. 17, pp. 257–281. (In English).

4. Baldwin R. A Domino Theory of Regionalism. NBER Working Paper 4465. September 1993, <https://www.nber.org/papers/w4465> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

5. Baldwin R. Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocs on the Path to Global Free Trade. NBER Working Paper 12545. September 2006, <https://www.nber.org/papers/w12545> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

6. Baldwin R., Okubo T. Networked FDI: Sales and Sourcing Patterns of Japanese Foreign Affiliates. NBER Working Paper No. 18083, 2012, <https://www.nber.org/papers/w18083> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

7. Bergsten C. F., Noland M., Schott J.J. The Free Trade Area of the Asia-Pacific: A Constructive Approach to Multilateralizing Asian Regionalism. ADBI Working Paper 336. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2011, <https://www.adb.org/publications/free-trade-area-asia-pacific-constructive-approach-multilateralizing-asian-regionalism> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

8. Beshkar M., Bond E. W., Rho Y. Tariff binding and overhang: Theory and evidence *Journal of International Economics* [Journal of International Economics], 2015, vol. 97, issue 1, pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.jinteco.2015.04.004. (In English).

9. Fergusson I. F., McMinimy M. A., Williams B. R. The Trans-Pacific Partnership (TPP): In Brief. Congressional Research Service. February 9, 2016, <https://fas.org/sgp/crs/row/R44278.pdf>. (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

10. Fujita M., Gokan T. On the Evolution of the Spatial Economy with Multi-unit Multi-plant Firms: The Impact of IT Development. Institute of Developing Economies. Discussion Paper No.16. November 2004,

<https://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Dp/016.html> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

11. Fujita M., Mori T. Frontiers of the New Economic Geography *Trudy po regional'noy nauke* [Papers in Regional Science], 2005, vol. 84, Issue 3, pp. 377–405. (In English).

12. Hayakawa K., Jinji N., Matsuura T., Yoshimi T. Costs of Utilizing Regional Trade Agreements. RIETI Discussion Paper Series 19-E-054. July 2019, <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/19e054.pdf> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

13. Kimura F., Ando M. Two-dimensional fragmentation in East Asia: Conceptual framework and empirics *Mezhdunarodnoye obozreniye ekonomiki i finansov* [International Review of Economics and Finance], 2005, vol. 14, issue 3, pp. 317–348. (In English).

14. Li C., Wang J., Whalley J. Numerical General Equilibrium Analysis of China's Impacts from Possible Mega Trade Deals. NBER Working Paper 20425. August 2014, <https://www.nber.org/papers/w20425> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

15. Petri P.A. Multitrack Integration in East Asian Trade: Noodle Bowl or Matrix? *Problemy Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Asia Pacific Issues], October 2008, no. 86. Honolulu: East-West Center, <https://www.eastwestcenter.org/publications/multitrack-integration-east-asian-trade-noodle-bowl-or-matrix> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

16. Rodrik D. What Do Trade Agreements Really Do? *Zhurnal ekonomicheskikh perspektiv* [Journal of Economic Perspectives], 2018, vol. 32, issue 2, pp. 73–90. DOI: 10.1257/jep.32.2.73 (In English).

17. Thorbecke W. Enjoying the Fruits of their Labor: Redirecting exports to Asian consumers. RIETI. Discussion Paper Series 15-E-016. February 2015, <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/15e016.pdf> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

18. Whalley J. Why Do Countries Seek Regional Trade Agreements? NBER Working Paper 5552. April 1996, <http://www.nber.org/papers/w5552.pdf> (дата обращения 01 октября 2020). (In English).

Reference to the article

Izotov D. A. Integration processes in the Asia-Pacific region: features and potential of expansion // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 3 (92). Pp. 20–31. DOI 10.22394/1818-4049-2020-92-3-20-31
